

С Е Р И Я

П О Л И Т И Ч Е С К А Я

Т Е О Р И Я

CHIMPANZEE POLITICS

Power and Sex among Apes

FRANS DE WAAL

25th anniversary edition

The Johns Hopkins University Press

ПОЛИТИКА У ШИМПАНЗЕ

Власть и секс у приматов

ФРАНС ДЕ ВАЛЬ

Пятое издание

Перевод с английского
ДМИТРИЯ КРАЛЕЧКИНА

Издательский дом
Высшей школы экономики
МОСКВА, 2020

УДК 599.89:321.11

ББК 28.693.36

B16

Составитель серии и научный редактор

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Де Валь, Ф.

B16 Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов / пер. с англ. Д. Кралечкина; под ред. В. Анашвили; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 5-е изд. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 272 с. — (Политическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-2331-5 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-2225-7 (e-book).

Первое издание книги Франса де Валя «Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов» было хорошо встречено не только приматологами за ее научные достижения, но также политиками, бизнес-лидерами и социальными психологами за глубокое понимание самых базовых человеческих потребностей и поведения людей. Четверть века спустя эта книга стала считаться классикой. Вместе с новым введением, в котором излагаются самые свежие идеи автора, это юбилейное издание содержит подробное описание соперничества и коалиций среди высших приматов — действий, которыми руководит интеллект, а не инстинкты. Показывая, что шимпанзе поступают так, словно они читали Макиавелли, де Валь напоминает нам, что корни политики гораздо старше человека.

Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 599.89:321.11

ББК 28.693.36

На обложке — статуйка обезьяны на храме в Убуде, Бали (Лес обезьян — Monkey Forest).

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики

<<http://id.hse.ru>>

doi:10.17323/978-5-7598-2331-5

ISBN 978-5-7598-2331-5 (в пер.)

ISBN 978-5-7598-2225-7 (e-book)

ISBN 9780801886560 (англ.)

© 1982, 1989, 1998, 2007 Frans de Waal
All rights reserved. Published
by arrangement with The Johns Hopkins
University Press, Baltimore, Maryland

© Перевод на рус. яз. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2014;
2016; 2018; 2019; 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	
К 25-МУ ЮБИЛЕЙНОМУ ИЗДАНИЮ	9
БЛАГОДАРНОСТИ	19
ВВЕДЕНИЕ.	23
I. ЛИЧНЫЕ ЧЕРТЫ	67
II. ДВА ПЕРЕВОРОТА	105
III. НЕСПОКОЙНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ	171
IV. СЕКСУАЛЬНЫЕ ПРИВИЛЕГИИ	187
V. СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ	215
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	249
ЭПИЛОГ.	255
БИБЛИОГРАФИЯ	261

Посвящается Яну ван Хоффу

И вот, на первое место я ставлю как общую склонность всего человеческого рода вечное и беспрестанное желание все большей и большей власти, желание, прекращающееся лишь со смертью.

Томас Гоббс, 1651 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К 25-му ЮБИЛЕЙНОМУ ИЗДАНИЮ

Книга может выдержать множество переизданий за четверть века только в том случае, если она посвящена теме, неизменно притягивающей к себе читателей. Политика и есть такая тема. Мы с головой погружены в политику, поэтому сразу же распознаем любые связанные с ней махинации — даже за пределами собственно человеческих дел. Если придерживаться предложенной Гарольдом Ласвеллом знаменитой дефиниции политики как социального процесса, определяющего «кто, что, когда и как получает», вряд ли можно сомневаться в том, что шимпанзе занимаются ею. Поскольку и у нас, и у наших ближайших родственников этот процесс предполагает устрашение, создание коалиций и тактики изоляции, общая терминология вполне оправданна.

Некоторые считают, что аргументы, предлагаемые в книге вроде этой, принижают политиков-людей, тогда как другие считают, что они возвышают обезьян. Возможно, у нас есть все причины попытаться сбить спесь с политиков-людей, особенно когда они ведут себя так, словно весь мир принадлежит только им. «Политика у шимпанзе» действительно использовалась с этой целью. Например, издатель французского перевода этой книги разместил на обложке изображения Франсуа Миттерана и Жака Ширака с обезьяной между ними! Я лично не считаю это забавным. Используя обезьян, чтобы посмеяться над людьми, мы на самом деле говорим, что обезьян не стоит принимать всерьез, тогда как я пытаюсь подвести к прямо противоположной идее. Мне больше интересен другой аспект, а именно: поведение наших ближайших родственников указывает нам на важные составляющие человеческой природы. Даже если не брать политические маневры, шимпанзе демонстрируют множество форм поведения, близких поведению человека, начиная с технологий создания различных орудий и заканчивая войной между разными сообществами. В действительности наше место среди приматов все больше определяется на фоне таких существенных сходств.

СТОЛЕТИЕ ОТКРЫТИЙ

С тех самых пор как Платон попытался определить человека как единственное одновременно бесперое и двуногое животное, но был тут же опровергнут Диогеном, который в качестве подтверждения своей мысли представил аудитории оципанного цыпленка, человечество прилагало немало сил, чтобы найти окончательное доказательство своей уникальности. Например, некогда создание орудий казалось настолько выдающимся качеством, что даже вышла книга под названием «Человек — творец орудий». Это определение продержалось лишь до тех пор, пока не было открыто, что дикие шимпанзе извлекают термитов из термитников при помощи веток, видоизмененных специально для этой задачи. Другие связывали уникальность человека с языком, определяемым в качестве символической коммуникации. Но как только лингвисты услышали об обезьянах, которые выучили «американский язык знаков», они отказались от символов как критерия и стали больше напирать на синтаксис. Особое место человечества в мироздании — это место претензий, от которых пришлось отказаться, и постоянно меняющихся определений того, что значит быть человеком.

Чем больше мы узнаем об обезьянах, тем больше они кажутся похожими на нас именно в той мере, в какой это обусловлено их генетическим материалом. Знания об их поведении накапливались горсткой лабораторных исследователей с начала прошлого века. Вольфганг Кёлер описал, как шимпанзе, если у них были ящики и палки, пытаясь достать высоко подвешенные бананы, обычно какое-то время просто сидели, прежде чем к ним внезапно приходило решение: мгновенное озарение, которое исследователи в этой области знаний до сих пор называют «моментом Кёлера». Роберт Йеркс документировал темперамент обезьян, тогда как Надежда Ладыгина-Котс пошла по стопам Дарвина и предоставила подробное сравнительное описание мимики молодого шимпанзе, содержавшегося в Москве у нее дома, и ее собственного сына.

Люди наблюдали за шимпанзе и в естественной среде обитания, однако в те времена работа в природных условиях не пользовалась большой популярностью и считалась ненаучной: только лабораторные исследования обеспечивали уровень контроля, необходимый для науки. Напряжение между двумя этими

подходами сохраняется и сегодня, хотя история исследований шимпанзе служит наглядным подтверждением результативности перекрестного опыления лаборатории и поля. Следующий толчок исследования получили в 1930-х годах, когда кратковременные экспедиции (вроде трехмесячного пребывания Генри Ниссена в Гвинее, позволившего задокументировать пищевые привычки обезьян) стали первыми серьезными попытками изучения шимпанзе в дикой природе. Но только в 1960-х годах были запущены два долгосрочных пионерских проекта. На восточном берегу озера Танганьика (в Танзании) Джейн Гудолл разбила лагерь в заповеднике в Гомбе-Стрим, а Тошисада Нишида сделал то же самое в Махали-Маунтинс в 170 километрах к югу.

Эти полевые исследования опровергли представление о шимпанзе как мирных вегетарианцах и позволили приподнять завесу над поразительной сложностью их социальной жизни. Считалось, что среди приматов потребление мяса встречается только у людей, но у исследователей появились свидетельства того, что некоторые шимпанзе ловили мелких обезьян, разрывали на части и тут же поедали. И если первоначально считалось, что у шимпанзе нет социальных связей за исключением уз, существующих между матерью и потомством, полевые исследователи выяснили, что все особи на определенном участке леса обычно регулярно встречались, образуя одну социальную группу. Напротив, взаимодействия с особями из соседних областей, если и случались, обычно оказывались враждебными. Ученые начали говорить о «сообществах», чтобы не использовать термин «группа», поскольку крупные скопления шимпанзе наблюдались редко: они разбиваются на постоянно меняющиеся небольшие «партии», которые бродят по лесу, — эта система известна под названием «объединение-расщепление».

От еще одной претензии на уникальность людям пришлось отказаться, когда открыли, что мы — не единственные приматы, убивающие себе подобных. Сообщения о драках за территорию со смертельным исходом между сообществами шимпанзе сильно повлияли на послевоенные споры о корнях человеческой агрессии.

В 1970-х годах прошла вторая волна важных исследований шимпанзе, на этот раз в условиях неволи. Эти исследования сблизили их с человеком в когнитивном отношении так, как никто не мог даже себе представить. Гордон Галлап показал, что

большие человекообразные обезьяны узнают себя в зеркале, что указывает на определенный уровень самосознания, который отделяет людей и антропоидов от всех остальных приматов. Эмиль Мензел провел эксперименты, в которых обезьяна, зная, где был спрятан определенный предмет, выпускалась вместе с другими обезьянами, не имевшими такого знания. Его опыты показали, как обезьяны узнают друг у друга нечто, а также как они друг друга обманывают. Примерно в то же самое время одна из крупнейших в мире колоний обезьян, живущих под открытым небом, была создана в зоопарке Арнема в Нидерландах, где я и начал свои наблюдения, которые привели к публикации в 1982 г. «Политики у шимпанзе».

ИСТОРИОПИСАНИЕ

В 1979–1980 гг. только начиная работать над «Политикой у шимпанзе», я был молодым ученым, которому едва исполнилось тридцать лет, и терять мне особо было нечего. По крайней мере так я тогда думал. Мне нравилось развивать собственные идеи, сколь бы спорными они ни были. Следует также помнить о том, что в те времена едва ли можно было соединить в одном предложении слова «животные» и «когнитивные процессы», не вызвав при этом удивленных взглядов. Большинство моих коллег сторонились любых предположений о наличии намерений или эмоций у животных, опасаясь обвинений в антропоморфизме. Не то чтобы все они отказывали животным в праве на внутреннюю жизнь, но они придерживались бихевиористской догмы, утверждавшей, что, поскольку нам неизвестно, что думают и чувствуют животные, нет смысла об этом говорить. Я все еще помню, как часами простаивал у металлической ограды пахучего ночлега шимпанзе и держал у уха единственный в здании телефон, по которому говорил с моим профессором Яном ван Хоффом, который, хотя и неизменно поддерживал меня, все же всегда пытался умерить мой пыл, когда я в очередной раз хотел преподнести ему какую-нибудь из своих диких выдумок. Именно в этих моих спорах с Яном я — сначала в шутку — стал называть процессы, происходящие в колонии, «политикой».

Другим важным фактором, оказавшим влияние на эту книгу, стала широкая общественность. Годами я общался с организованными группами посетителей зоопарка, включавшими

юристов, домохозяек, студентов университета, психотерапевтов, учащихся полицейской академии, орнитологов-любителей и т.д. Для начинающего популяризатора просто не может быть аудитории лучше. Посетителям зачастую не были интересны некоторые из наиболее острых академических проблем, но на сведения о базовой психологии обезьян, которые я стал считать чем-то само собой разумеющимся, они реагировали с признательностью и восхищением.

Я понял, что единственный способ рассказать свою историю — показать во всех красках личные черты обезьян и уделить больше внимания реальным событиям, а не абстракциям, которыми ученые так гордятся. Мне сильно помог предыдущий опыт. Прежде чем приехать в Арнем, я занимался диссертационным проектом в Университете Утрехта, работая с длиннохвостыми (или яванскими) макаками. В одной из групп моих обезьян самцы поменялись рангом, что стало основанием для моей самой первой научной статьи, опубликованной в 1975 г. под названием «Уязвленный вожак: временное спонтанное изменение в структуре агонистических отношений среди содержащихся в неволе яванских макак». Занимаясь отчетом по этому исследованию, я заметил, насколько бесполезными оказываются обычные для этологов формализованные записи, когда дело доходит до социальной драмы и интриг. Стандартный для нас сбор данных нацелен на категоризации, которые служат подсчету событий. Компьютерные программы сортиру-

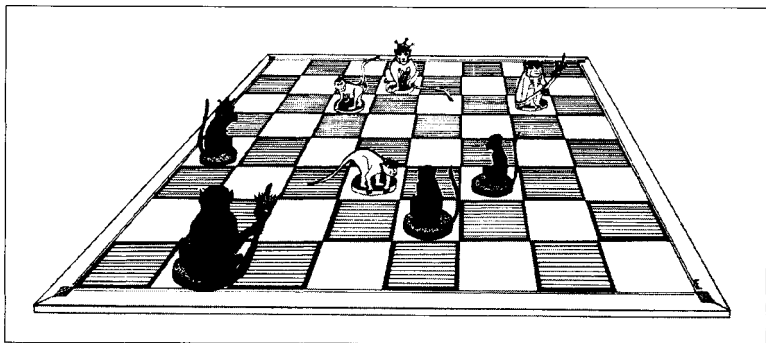

Иллюстрация на обложке диссертации автора (1977 г.), посвященной властным отношениям у обезьян

ют все эти данные, создавая количественно точную сводку случаев агрессии, груминга или какого-либо иного интересующего нас поведения.

Элементы, которые невозможно квантифицировать и представить в виде графика, легко можно отбросить как всего лишь «казусы». Казусы — это уникальные события, которые сложно обобщить. Но оправдано ли презрение к ним некоторых ученых? Рассмотрим пример из жизни людей: Боб Вудвард и Карл Бернштейн описывают в своей книге «Последние дни» реакцию Ричарда Никсона на утрату власти: «Рыдая, Никсон продолжал жаловаться... Как простой взлом мог привести ко всему этому?... (Он) упал на колени... вытянулся и ударил кулаком по ковру, громко вскрикнув: “Что я наделал? Что случилось?”»

Никсон стал первым и единственным президентом США, которому пришлось подать в отставку, поэтому вряд ли это может быть чем-то большим, чем казус. Но умаляется ли этим значимость подобного наблюдения? Я должен согласиться с тем, что у редких и странных событий есть значительный недостаток. Как мы увидим, один из моих шимпанзе крайне напоминал Никсона (если исключить речь), когда оказался в похожих обстоятельствах. Из своих прежних исследований я сделал вывод, что для понимания и анализа подобных событий необходим дневник, который рассказывает, как разворачивались события, как в них участвовала каждая особь и что особенного случилось в данной конкретной ситуации в сравнении с предыдущими. Вместо того чтобы просто «подсчитывать» поведение шимпанзе и выводить средние величины, я намеревался включить в свой проект историческое описание.

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ

Итак, приехав в Арнем, я начал вести дневник. Будучи захвачен и просто очарован работой, я провел тысячи часов на деревянном табурете, наблюдая за островом, — я собирался составить самое подробное из всех имевшихся на тот момент описаний борьбы за власть, будь то животных или людей. И лишь перелопатив все эти объемные заметки, несколько лет спустя я сумел восстановить связи между различными событиями, — тогда и начала обретать форму «Политика у шимпанзе».

Когда книга впервые вышла в свет — в 1982 г., в лондонском издательстве Джонатана Кейпа, — она почти не вызвала нареканий. И в популярных, и в академических рецензиях она скорее приветствовалась, чем критиковалась¹. Со временем она даже превратилась в то, что некоторые называли лестным словом «классика». Своим успехом она обязана в высшей степени узнаваемым, но порой удивительным историям из жизни человекообразных обезьян. Теперь, оглядываясь назад, я могу понять, что ее базовая предпосылка полностью соответствовала *Zeitgeist* 1980-х, когда быстро менялись установки по отношению к животным. Поскольку я работал, не имея, в общем-то, никакого контакта с зарождавшейся в те времена в Америке когнитивной психологией, я не понимал, что был не одинок в своих исследованиях этой новой интеллектуальной территории. Этим обстоятельством иллюстрируется то, что предпринимаемые в науке шаги никогда не бывают совершенно независимыми друг от друга. Поэтому работа Дональда Гриффина «Вопрос о сознании животных» не удивила меня, когда я впервые ее прочитал, так же как «Политика у шимпанзе», очевидно, не удивила большинства приматологов.

«Политика у шимпанзе» была написана с прицелом на широкую аудиторию, однако она нашла путь также и в учебные классы, и к бизнес-консультантам, и даже попала в список литературы, рекомендуемый конгрессменам на первом году их работы. По причине интереса, который не снижался на протяжении всех пятнадцати лет, мы с издательством Университета Джонса Хопкинса решили, что юбилейное издание будет с радостью принято новой аудиторией, желающей разобраться в своих отношениях с обезьянами. Это юбилейное 25-е издание соответствует переработанному изданию 1998 г. и включает несколько фотографий, которых не было в исходной книге; также здесь внесены дополнения в описание некоторых важных персонажей.

Чтобы прояснить выводы, полученные из моего исследования, я люблю использовать параллели с островной биогеографией. Легко понять, что экологическая сложность растет с числом видов растений и животных. На островах, однако, видов

¹ Первые рецензии политологов можно найти в: Life Sciences. 1984. No. 2. P. 204–213 и работе Глендона Шуберта [Schubert, 1986].

бывает обычно меньше, чем на ближайшей континентальной территории. Эта относительная простота островов позволяла натуралистам от Чарльза Дарвина до Эдварда Уилсона разрабатывать идеи, применимые также и к более сложным системам. Точно так же на острове шимпанзе в зоопарке Арнема содержалось ограниченное число обезьян, живущих в условиях, упрощенных по сравнению с экваториальными дождевыми лесами. Если представить, что число игроков-самцов в колонии было бы в три раза выше, как часто бывает в диких сообществах, или что у шимпанзе была бы возможность перемещаться на остров и уходить с него, я вряд ли смог бы осмыслить драму, которая разворачивалась передо мной. Подобно островному биографу, я видел больше, потому что событий было меньше. И все же общие принципы, открытые мной, применимы не только к обезьянам на острове, но и к любым формам борьбы за власть.

Мое желание написать популярную книгу объясняется тем, что мне всегда нравилось читать книги о животных и науке, написанные для широкой аудитории. Литература такого рода гораздо важнее, чем, вероятно, считают многие академические ученые. Именно такие работы притягивают студентов к той или иной области знаний и наделяют последнюю определенным общественным имиджем. После «Политики у шимпанзе» я написал несколько других популярных книг — о бонобо (близких родственниках шимпанзе), о миротворчестве и даже о происхождении морали и культуры. Поскольку я также руковожу работой активной исследовательской команды, в каком-то смысле я веду двойную жизнь. Днем мы занимаемся нашими научными исследованиями, тогда как вечерами и по выходным я пишу свои популярные книги. Они позволяют мне обращаться к более широким вопросам, которые подчас едва ли возможно поднять в научной литературе.

В «Политике у шимпанзе» я ухожу от прямых сопоставлений с политикой людей, за исключением нескольких случайных сравнений. Например, я не стал указывать на то, что власть старого самца шимпанзе, вроде Йеруна, крайне напоминает власть пожилых государственных деятелей. В каждой стране есть свой Дик Чейни или Тед Кеннеди, которые действуют за кулисами. Такие опытные мужчины стоят над схваткой и эксплуатируют ожесточенную борьбу между более молодыми политиками, приобретая в итоге огромную власть. Также я не провожу явных па-

Не только мои глаза были прикованы к драме, разворачивающейся в колонии: внимательно следят и сами обезьяны. Некоторые из них наблюдают, как Никки (задний план, слева) будит Йеруна устрашающей демонстрацией

раллелей между тем, как соперничающие шимпанзе пытаются снискать расположение самок, занимаясь грумингом и щекоча их потомство, и тем, как политики-люди поднимают и целуют детей, что они, как правило, делают только во время избирательных кампаний. Таких параллелей множество, в том числе и в области невербальной коммуникации (важничанье, понижение голоса), но я не стал их специально проводить. Мне они были слишком очевидны, поэтому я рад оставить их читателю.

Результатом является относительно простой рассказ о том, через что прошли обезьяны Арнема, смысл которого не затемняется отсылками к тому, что сделали бы в подобных обстоятельствах люди. Таким образом, на переднем плане находятся

именно наши родственники, и мы можем рассмотреть их поведение само по себе. Но любой, кто пожелает оглядеться в своем офисе, в политических кулуарах Вашингтона или же на факультетах университетов, заметит, что социальная динамика во всех этих местах, по сути, является точно такой же. Игры, связанные с прошупыванием противника и вызовом, формирование коалиций, разрушение чужих коалиций и удары кулаком по столу, которые должны закрепить правоту, — все это может заметить любой наблюдатель. Воля к власти — человеческая универсалия. Наш вид занимается макиавеллиевскими уловками с древнейших времен, вот почему никого не должна удивлять эволюционная связь, выявленная в этой книге.

БЛАГОДАРНОСТИ

В определенном смысле, это исследование представляет собой плод сильной этологической традиции Нидерландов. Под ней я имею в виду не спекулятивные сравнения человека и животных, которые исключительно на мой совести, а метод терпеливого наблюдения и тщательных записей. Из всех этологов больше всего на меня повлиял Ян ван Хофф. Я работал с ним в Утрехте четыре года, прежде чем приехать в Арнем в 1975 г. Но и позднее, когда я изучал шимпанзе, я оставался сотрудником руководимого им факультета университета. Следовательно, в этой книге очень мало данных и теоретических проблем, которые я не обсуждал бы с Яном в наших долгих беседах.

С поведением шимпанзе меня познакомили два студента — Ян Бринкёйс и Роб Слагер. Позднее я координировал исследования шимпанзе в Арнеме, работая с несколькими поколениями студентов — примерно по четыре студента в год. Проект вселял в них энтузиазм, и они собирали весьма точные наблюдения.

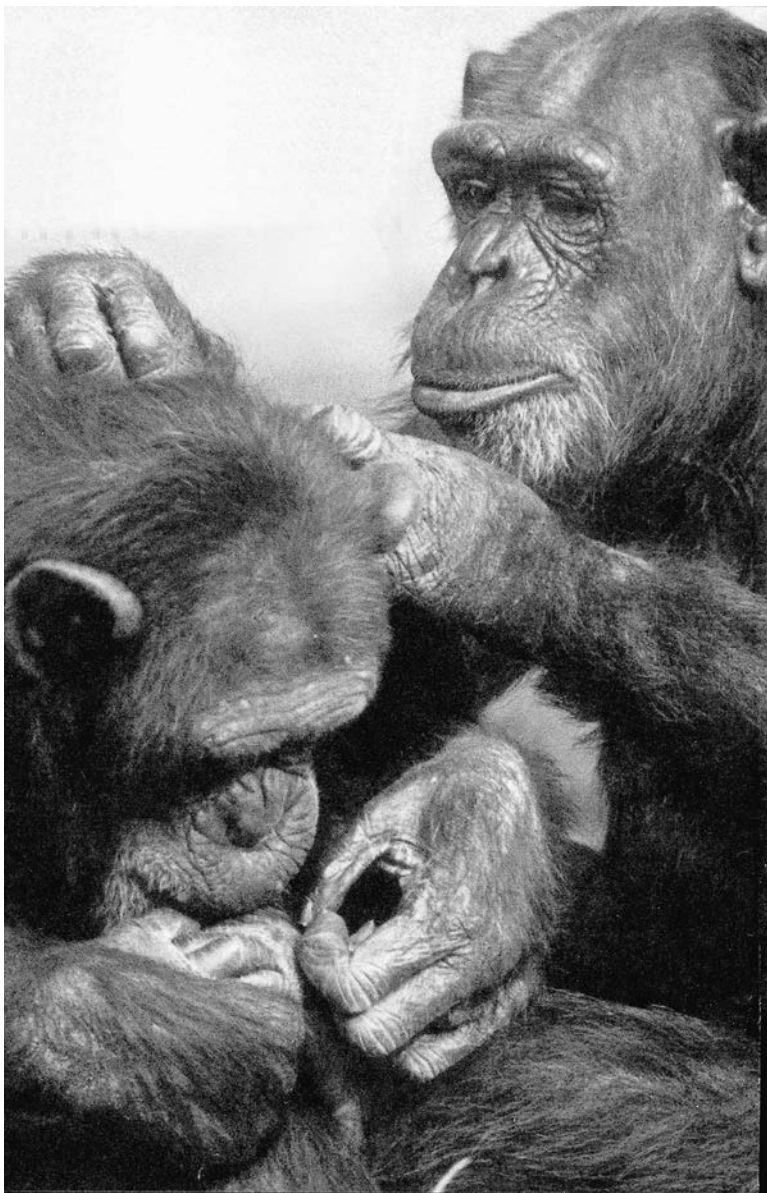
Автор в 1980 г., когда он писал «Политику у шимпанзе» (фотография Катрин Марин)

Постоянное обсуждение событий в колонии всегда было для меня важным стимулом. Я благодарен Отто Адангу, Дирку Фокема, Агат Фортёйн Дроглевер, Алтьену Гротениусу, Рууд Хармсен, Робу Хендриксу, Янеке Хукстра, Кису Ньивенхёйзену, Рональду Ное, Трикс Пиперс, Мариёке Полдер, Альберту Рамаркерс, Ангелине ван Росмален, Клаудии Роскам, Фреду Руоффу и Мариетте ван дер Вель. А также многим другим студентам, которые пришли после меня в Арнем — Йосту Мёленброку, Теду Полдерману, Титии ван Вульфтен Пальте.

Наше исследование проходило под эгидой «Лаборатории сравнительной психологии» Университета

Утрехта. Лаборатория обеспечивала нас литературой, анализировала данные, предоставленные студентами, чинила наше оборудование и вообще всячески помогала нам. Поэтому выражаю свою искреннюю благодарность всем ее сотрудникам и Университету, который помог профинансировать наш проект. Студентов и киперов зоопарка Арнема, особенно Джеки Хоммеса (который ухаживал за шимпанзе последние семнадцать лет) я благодарю за то, что они указывают мне на новых или изменившихся особей каждый раз, когда я посещаю колонию. За переработанное издание я благодарен Фрэнку Кирнану, фотографу из Центра приматов Йеркса, — он поделился своими знаниями и помог распечатать мои негативы двадцатилетней давности.

В отличие от того, как я пишу сейчас — сразу на английском и при помощи текстового процессора, первая версия «Политики у шимпанзе» представляла собой рукопись, написанную карандашом на моем родном нидерландском. Рукопись была переведена настоящим профессионалом — Дженет Милнс. Я благодарен Десмонду Моррису и Тому Машлеру за то, что верили в меня, побуждая писать в популярном стиле, и за то, что помогли мне выйти к международной аудитории, опубликовав книгу на английском языке. Наконец, я хотел бы поблагодарить мою жену, Катрин Марин. Она помогла мне сделать книгу простой и ясной. Катрин также делилась со мной своим опытом в фотографии, не говоря уже о любви и поддержке, которую она и тогда оказывала мне не меньше, чем сейчас.

Кром (слева) и Горилла обыскивают друг друга

Введение

Посетителей зоопарка, похоже, всегда забавляет вид шимпанзе. Ни одно другое животное не вызывает столько смеха. Почему так получается? Правда ли они такие клоуны, или же они смешны из-за внешнего вида? Почти наверняка можно сказать, что нас забавляет именно их вид, поскольку им достаточно пройти или сесть — и мы уже смеемся. Возможно, наше веселье скрывает совершенно другие чувства и является нервной реакцией, вызванной заметным сходством между людьми и шимпанзе. Раньше говорили, что обезьяны — наше зеркало, но нам, видимо, сложно сохранять серьезность при виде отражения.

Не только посетителей восхищают и одновременно нервируют шимпанзе — то же самое можно сказать и об ученых. Чем больше они узнают об этих больших человекообразных обезьянах, тем больше, судя по всему, усугубляется наш кризис идентичности. Сходство между людьми и шимпанзе не только внешнее. Если посмотреть прямо в глаза шимпанзе, мы увидим, что на нас смотрит умная и самоуверенная личность. Если они — животные, то кто же тогда мы?

Сегодня нам известны факты, которые показывают, что разрыв между человеком и животными не так уж велик. Гордон Галлап доказал, что большие человекообразные обезьяны узнают себя в зеркале. Эта форма самосознания, судя по всему, отсутствует у небольших обезьян и других животных, которые считают собственное отражение кем-то другим. Вольфганг Кёлер провел с шимпанзе хитрые тесты, позволившие оценить их интеллект, и пришел к выводу, что они способны решать новые проблемы на основе внезапного осознания связи причины и следствия («ага-решения»). Джейн Гудолл наблюдала, как дикие шимпанзе используют созданные ими орудия. Также проводились наблюдения над тем, как они охотятся, едят мясо, расширяют свою территорию при помощи «военных действий» и даже иногда способны на каннибализм. Наконец, команда, состоящая из супругов Р. Аллена Гарднера и Беатрис Гарднер, смогла научить шимпанзе значительному числу символов (жестам руками), использовавшихся ими для

общения, которое удивительно походило на то, как мы используем наш язык. Эти обезьяны рассказали очень многое о своих мыслях и чувствах: разум обезьян стал доступен для нашего вида.

Но сколь бы впечатляющими ни были все эти открытия, отсутствует одно важное промежуточное звено: социальная организация. Есть данные, подтверждающие, что шимпанзе ведут в высшей степени сложную и запутанную социальную жизнь, однако картина пока еще полностью не сложилась. До сих пор исследования в этой области почти всегда проводились с дикими шимпанзе. Эти наблюдения крайне важны, однако в условиях джунглей невозможно проследить социальные процессы во всех деталях. Полевым исследователям, можно сказать, везет, если им вообще удастся регулярно видеть животных. Из тысяч социальных контактов, совершаемых в кустарнике и на деревьях, они заметят лишь несколько. Они, конечно, смогут разглядеть результаты социальных изменений, но причины зачастую так и останутся от них скрытыми.

В настоящее время есть только одно место в мире, где можно провести всеобъемлющее исследование групповой жизни этих восхитительных животных, — это большая, живущая под открытым небом колония шимпанзе в зоопарке Бюргерса в Арнеме. Это исследование продолжается вот уже несколько лет. В настоящей книге представлены полученные нами результаты и доказано то, что мы и так уже предполагали, основываясь на тесной связи между большими человекообразными обезьянами и человеком: социальная организация шимпанзе настолько напоминает человеческую, что в это едва можно поверить. Клоунам мира животных наверняка пришлось бы по вкусу политическая сфера. Обширные отрывки из Макиавелли кажутся вполне применимыми к поведению шимпанзе. У этих созданий борьба за власть и вытекающий из нее оппортунизм выражены настолько ярко, что однажды один радиореporter попытался подловить меня, задав вопрос: «Кого, по Вашему мнению, можно считать самым явным шимпанзе в нашем сегодняшнем правительстве»¹?

¹ Журналисты использовали описание борьбы за власть в зоопарке Арнема в политических целях, сравнивая национальных политиков с Никки, Лейтом и Йеруном. Эта тенденция особенно явно обнаружилась

Каждый день в газетах приводится изрядная доза политических комментариев. Мы привыкли, что политические процессы представляются нам в четком и обобщенном виде, например так: «Раскол в лагере правительства играет на руку оппозиции» или «Министр ставит себя в невозможное положение». Политические обозреватели обычно не перечисляют многих факторов и инцидентов, которые привели к этой ситуации. Никто не ждет, что они будут подробно излагать все подробности сделанных политических заявлений и все конфиденциальные сведения, которые им удалось получить. В общем и целом, их читатели удовлетворяются общей канвой.

События, свидетелем которых я стал в Арнеме, можно резюмировать точно так же. И это, конечно, был бы самый простой способ рассказать о них, однако картина, которую мне в таком случае удалось бы набросать, была бы неубедительной. К моим интерпретациям обязательно отнеслись бы с бóльшим подозрением, чем к толкованиям политического обозревателя. Ведь уже само слово «политика» вызывает сомнение, если речь идет о животных.

Вот почему я должен приближаться к теме шаг за шагом, начав в данном введении с общей картины, показывающей, в чем заключается коммуникация шимпанзе. Затем в первой главе дается краткое описание характеров членов группы. В последующих главах рассказывается о различных притязаниях на власть, с которыми мы сталкивались на протяжении шести лет, когда работали над проектом, и о том, как изменения в рангах влияют на сексуальные привилегии. В конце я обсуждаю некоторые общие механизмы, поддерживающие социальное взаимодействие, — в частности взаимность, стратегический интеллект и

во французских СМИ после того, как издательство Editions du Rocher решило в 1987 г. поместить на обложку «Политики шимпанзе» изображение Франсуа Миттерана и Жака Ширака вместе с ухмыляющейся шимпанзе между ними. Эта неуважительная обложка больше высмеивала политиков, а не возвышала обезьян. Примерно так же смысл книги был затенен и заглавием немецкого издания, вышедшего в 1983 г. в издательстве Harnack Verlag — *Unsere haarigen Vettern* («Наши волосатые кузены»). Эти маркетинговые решения упустили главную мысль книги, которая нацелена не на высмеивание политических лидеров или обезьян, а на выявление фундаментальных сходств между ними, а потому и на то, чтобы заставить людей задуматься о своем собственном поведении.

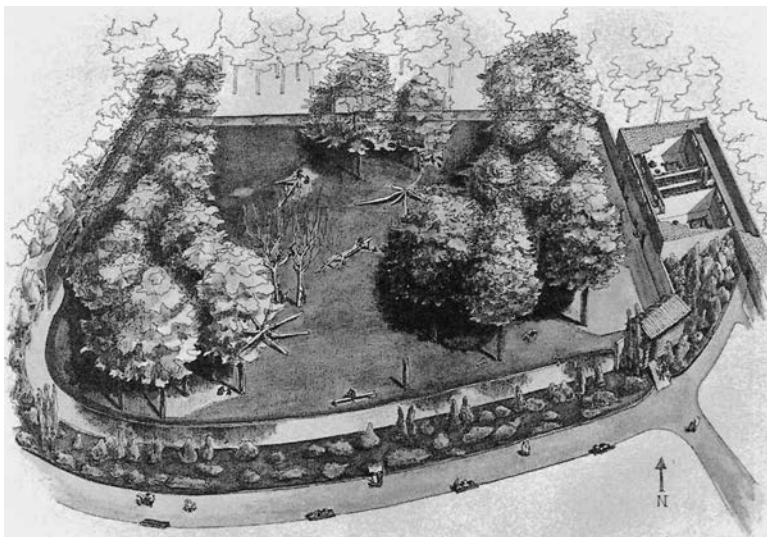
тройственную осведомленность, указывая при этом, насколько они похожи на человеческие механизмы.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Попав за ворота зоопарка Арнема, посетители направляются по самой старой и самой широкой дороге в парке. Они проходят мимо попугаев, пеликанов и фламинго, которые находятся слева, а также расположенных справа попугайчиков, сов и фазанов. На поддороге за какофонией птичьего гвалта они начинают слышать более резкие крики. Это вопли шимпанзе, которые находятся в своем большом открытом вольере, расположенном в конце этой аллеи.

Дойдя до этого места, посетители, возможно, будут разочарованы, поскольку обнаруживается, что до обезьян еще около 20 метров — эта дистанция не позволяет публике кормить их. Если посетители хотят посмотреть на животных с более близкого расстояния, им надо подняться на смотровую площадку. Скрывшись за непробиваемым стеклом (шимпанзе бросают в зрителей камнями), они могут насладиться великолепным видом всего открытого вольера, занимающего почти гектар. Он окружен широким рвом, заполненным водой. Раньше эта территория была частью большого леса, и на острове еще осталось около пятидесяти дубов и буков, большинство из которых защищены электрическими ограждениями, защищающими деревья от разрушительных привычек обитателей острова. Некоторые дубы были оставлены без защиты, теперь их видно в самом центре вольера — они полностью ободраны. Эти мертвые дубы играют большую роль в жизни группы. Серьезные агрессивные стычки всегда заканчиваются на вершине этих деревьев, которые предоставляют множество возможностей убежать от противника.

Некоторым посетителям, очевидно, еще надо привыкнуть к новой, почти естественной структуре этой территории. Возможность покормить обезьян, притронуться к ним или спровоцировать была сведена почти к нулю. Единственное, что посетители могут делать, — это стоять и смотреть. Однако значительное преимущество в том, что здесь можно увидеть намного больше, чем в классических обезьянниках, где от двух до четырех шимпанзе обычно делят тесную и неинтересную

Сверху: общий план экспозиции шимпанзе в зоопарке Арнема. Справа находится здание со спальнями и зимними помещениями. Слева — стена, которую шимпанзе однажды преодолели. Рисунок Бонни Виллемс.
Снизу: часть открытого вольера с мертвыми дубами посередине

клетку. В подобных унижительных условиях обезьяны часто попросту лежат и тоскливо мастурбируют, ходят взад-вперед или ритмично бьют спиной или даже руками по стене своей клетки².

В колонии Арнема посетители с таким поведением не встретятся. Наиболее распространенная здесь социальная деятельность совершенно естественна: это груминг. Несколько обезьян обычно собираются в группы груминга, в которых они ищут друг у друга в шерсти. Этот тщательный труд сопровождается невнятными шлепающими звуками — то и дело партнера по грумингу легонько толкают или сдвигают в новую позу. Желание, с которым обезьяны подчиняются этим указаниям, показывает, насколько шимпанзе любят эту процедуру.

Когда взрослые самки образуют группу груминга, их дети обычно прохаживаются неподалеку, тогда как самые маленькие сидят, надежно прижавшись к животу матери, и наблюдают за всем происходящим вокруг них. Чуть более взрослые дети, кажется, переполнены неисчерпаемой энергией. Играя в пятнашки, они вламываются в самую гущу групп груминга, мешая взрослым обезьянам — запрыгивая на них и бросая в них пригоршни песка.

Колония Арнема уникальна не только своим обширным открытым вольером и большим числом молодняка, подрастающего со своими матерями, но прежде всего численностью (примерно двадцать пять особей), а также тем, что в этой группе живет несколько взрослых самцов. Самцы ненамного больше самок, но у них более густая шерсть. Когда они возбуждены или

² Считается, что именно Хейни Хедигер, швейцарский зоолог и этолог, является основателем *зообиологии*, дисциплины, стремящейся понять базовые потребности животных в неволе, чтобы создать условия, в которых сможет проявиться типичное для данного вида поведение. Современные зоопарки отказались от содержания максимального количества разных видов и перешли к содержанию немногих видов в более просторных вольерах. Экспозиция шимпанзе в зоопарке Арнема представляет собой одну из вех на этом длинном пути от обезьян, содержащихся в маленьких клетках или дрессируемых для «представлений», к обезьянам, живущим в натуралистических вольерах. Этот процесс проходит как раз в то время, когда обезьянам в дикой природе грозит такая опасность, что некоторые популяции сегодня живут в убежищах под защитой людей, предоставляющих им ветеринарную помощь. Таким образом, жизнь в природной среде начинает напоминать жизнь в передовых зоопарках.

Группа отдыхающих обезьян. Джимми (слева) ищет в шерсти у Тепел. Самый молодой детеныш Джимми сидит между ними. В центре — пятилетние сыновья двух самок: Ваутер щекочет Джонаса под мышкой. Кром сидит справа

агрессивны, шерсть у них встает дыбом, так что они выглядят больше, чем на самом деле, производя пугающее впечатление. В подобные моменты самцы шимпанзе могут передвигаться удивительно быстро, встав на ноги. Этим агрессивным выпадам обычно предшествуют — примерно за десять минут — некоторые малозаметные движения тела и изменения в позе. Когда я показываю обезьян посетителям зоопарка и замечая признаки приближающейся устрашающей демонстрации, я сам ловлю шанс впечатлить своих слушателей, проявив — как и свойственно человеку — свои знания. У меня достаточно времени, чтобы предсказать своим ничего не подозревающим гостям, какие сцены им предстоит увидеть.

Предсказуемость поведения шимпанзе не означает, однако, что они всегда повторяют одни и те же социальные паттерны. Это было бы скучно. Самый захватывающий аспект в изучении шимпанзе — запись изменений, на которые могут уйти годы.

Только в гармоничной группе взрослые самцы готовы проявлять внимание и терпение к детенышам и их поведению. Сверху: Моник несколько не против, чтобы ее подняли в воздух во время одной из ее нередких игр с Никки. Снизу: Лейт позволяет использовать свою спину в качестве трамплина

Краткосрочные предсказания, однако, не просто забава — они выступают в качестве полезного способа постоянной проверки моих знаний о непрерывно меняющейся системе отношений внутри группы.

Динамические качества групповой жизни лучше всего иллюстрируются изменениями в позициях вожаков, которые произошли в колонии Арнема. Эти процессы заняли несколько месяцев и, вопреки распространенным мнениям, не решались несколькими драками. В своем исследовании я уделял особое внимание бесчисленным, но почти незаметным социальным маневрам, которые вели к низложению вожака. Стабильность группы подрывалась постепенно. У каждой особи была своя роль, разыгрываемая в цепочке интриг. Будущий новый вождь подзуживает других, однако он никогда не может действовать в одиночку; он не может навязать свое лидерство группе просто своим решением. Его позиция предоставляется ему, в каком-то смысле, другими обезьянами. Вождь, или альфа-самец, так же вплетен в сеть отношений, как и все остальные.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ВЗРЫВООПАСНОГО НАПРЯЖЕНИЯ

Многие годы в зоопарках содержались такие виды обезьян, как бабуины и макаки, — в достаточно естественных группах, живших на насыпных горах. Однако для больших человекообразных обезьян не было условий, подходящих для настоящей групповой жизни. Владельцы зоопарков боялись того, что большая колония этих пугающих и непредсказуемых животных станет источником кровавых столкновений и даже смертей. Более того, большие обезьяны крайне подвержены заболеваниям, поэтому считалось, что изоляция животных в стерильных клетках может исключить опасность инфекции. Однако в 1966 г. братья Антон и Ян ван Хофф решили начать амбициозный проект в зоопарке Арнема. Ян мог воспользоваться опытом, приобретенным им в Америке, где он изучал социальное поведение шимпанзе в обширной колонии на Холломэнской военно-воздушной базе в штате Нью-Мексико. Там шимпанзе жили вместе в открытом вольере площадью в 10 гектаров.

Идея, на которой основывалась американская колония, превосходна, однако она не привела к успеху. В группе установилась чрезвычайно напряженная и агрессивная атмосфера. Ян пришел

к выводу, что главной ошибкой было отсутствие системы разделения обезьян при кормлении. Жестокие стычки происходили во время каждого приема пищи, поскольку некоторые обезьяны пытались монополизировать корм. Напряжение начинало накапливаться задолго до момента кормления. Это означало, что не хватало одного из базовых условий для развития гармоничной групповой жизни.

В естественной среде шимпанзе бродят в поисках пищи в одиночку или небольшими группами. Фрукты и листья, которые они ищут, распределены настолько равномерно, что конкуренция за еду почти не встречается. Но как только пищу начинают поставлять люди, пусть даже в джунглях, мирное существование оказывается под угрозой. Именно это произошло в Гомбе-Стрим в Танзании, где Джейн Гудолл вела свои знаменитые исследования. Ричард Рангам пришел к выводу, что систематическое кормление шимпанзе в Гомбе бананами привело к резкому росту агрессии.

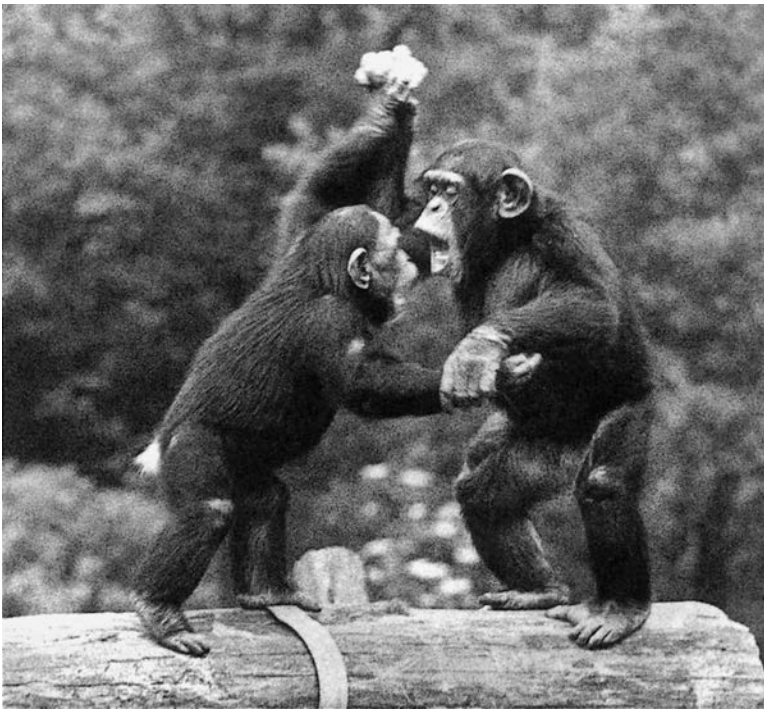
В Арнеме проблема конкуренции за еду была эффективно решена двумя мерами. Во-первых, публику не подпускают к животным близко, поэтому посетители не могут их кормить. Во-вторых, каждый вечер обезьяны разбиваются на небольшие группы, и каждая получает еду в одной из десяти клеток, где они спят. Они редко едят вместе со всей группой; каждая обезьяна получает свою порцию в клетке каждое утро и каждый вечер. Их рацион включает яблоки, апельсины, бананы, морковь, лук, хлеб, молоко, иногда им выдают по одному яйцу. Базовым продуктом выступают пищевые гранулы (обезьяний корм), содержащие углеводы, белки и витамины. Летом шимпанзе едят большое количество травы, а также желуды, буковые орешки, листья, насекомых и некоторые съедобные грибы.

Чтобы добыть достаточно еды, диким обезьянам приходится тратить на ее поиски более половины своего времени. Поскольку в зоопарке им не нужно это делать, они неизбежно начинают немного скучать. В результате их социальная жизнь интенсифицируется. У них больше времени на «социализацию». Кроме того, их жилое пространство ограничено, поэтому они никогда не могут полностью отделиться от группы. Эти результаты особенно заметны в зимние месяцы.

Голландские зимы (с ноября до середины апреля), довольно суровые для шимпанзе, они проводят в отапливаемом здании со

спальными помещениями и двумя большими залами с «лазалками» и пустыми металлическими барабанами. (Взрослые самцы исполняют на этих барабанах громкие ритмические концерты.) Самый большой зал — 21 метр длиной и 18 шириной. Хотя такая площадь кажется разумной, она составляет лишь одну двадцатую размера открытого вольера. Это порождает раздражение и трения; зимой проявления агрессии встречаются почти в два раза чаще, чем летом.

День, когда шимпанзе выходят из зимних помещений, — самый большой праздник в году. Утром сотрудник зоопарка открывает люк, который ведет в открытый вольер. Обезьяны из своих спальных загонов не могут видеть, что происходит, однако они могут различать звуки, производимые всеми люками в помещении, на слух. В мгновение ока вся колония реагиру-

Шутливое состязание между Тарзаном (слева) и Джонойсом

Рано утром Зварт идет на двух ногах, поскольку трава еще мокрая, собираясь присоединиться к группе, включающей Амбер (справа). Веселым шлепком ее приветствует Моник

ет оглушительным криком. На открытый воздух их выпускают небольшими группами. Вопли и крики не утихают. Видно, как обезьяны повсюду обнимают и целуют друг друга. Иногда они образуют группы из трех или большего числа особей, которые в возбуждении прыгают и хлопают друг друга по спине.

Радость обезьян от того, что они вышли на свободу, очевидна. Их черная шерсть, выросшая за зиму, станет густой и блестящей через несколько месяцев. Бледные лица на солнце посвежеют, приобретут новые оттенки. И, самое главное, напряжение, копившееся всю зиму, под открытым небом исчезнет.

БОЛЬШОЙ ПОБЕГ

Своим существованием эта экспозиция приматов обязана предприимчивости и смелости директора зоопарка Антона ван Хоффа и его философии, предполагающей, что в зоопарке лучше разместить немного видов в пристойных условиях, чем много —

в плохих. В августе 1971 г. комплекс был официально открыт Десмондом Моррисом. В окружении безупречно одетых «голых обезьян» он произнес вступительную речь, после которой наши волосатые родственники были выпущены в открытый вольер. Один приглашенный оратор предсказал две беды, с которыми нам якобы суждено было столкнуться: либо обезьяны соорудят плот и переплывут через ров, либо они придумают, как сделать лестницу, и взберутся на стены огороженной территории. Первую опасность он придумал сам, а вторая была связана с открытием, сделанным шимпанзе Роком.

Рок был самым взрослым из небольшой группы шимпанзе-подростков в Луизиане, которые исследовались Эмилем Мензелем. Совершенно самостоятельно Рок пришел к блестящей идее — использовать длинный шест в качестве своеобразной лестницы, чтобы взобраться на стену. Другие шимпанзе в группе быстро поняли, как использовать этот инструмент. Они даже помогали друг другу, взбираясь по шесту.

Самый памятный побег в истории колонии Арнема случился примерно так же. Несмотря на предупреждение, услышанное на открытии, на острове обезьян было оставлено несколько крупных ветвей. Небольшая часть вольера замыкается четырехметровой стеной. История произошедшего стала классикой в мире зоопарков. Согласно наиболее популярной версии, шимпанзе приставили ветви к стене в разных точках и одновременно взобрались на нее, словно бы по заранее условленному плану. Это напоминало штурм средневекового замка: шимпанзе помогали друг другу взять крепостной вал. Затем более десятка шимпанзе прошли по кратчайшей дистанции к большому ресторану, из которого выгнали всех посетителей. Там они наелись апельсинов и бананов, а затем вернулись в свои спальные помещения с охапками украденных фруктов в руках и ногах. Остаток дня они провели, наедаясь до отвала.

Годами выслушивая эту впечатляющую историю, я был несколько разочарован, когда начал проверять детали, которые могли пригодиться для книги. Я спрашивал каждого, что именно он видел собственными глазами. Результат был предсказуем. В истории содержалось зерно истины, но за прошедшие годы оно было изрядно приукрашено. Например, сотрудники ресторана сказали мне, что никогда не имели запаса фруктов, а в день побега только одна обезьяна в действительности пришла к ним.

Это была Мама, самая старая и, несомненно, самая опасная самка в группе. Она, видимо, забралась на стойку и проверила кассу, прежде чем разместиться среди группы посетителей и спокойно опустошить бутылку шоколадного молока.

Мне не удалось поговорить ни с кем, кто был бы свидетелем самого побега. Наверняка он был осуществлен при помощи ветки (была найдена тяжелая ветвь длиной 5 метров, прислоненная к стене), но не ясно, использовалось ли одновременно несколько таких ветвей. Меня несколько не удивило то, что подобный побег потребовал коллективных усилий; вес ветви уже указывает на это.

Хотя кипер каждое утро тщательно проверяет вольер обезьян на наличие ветвей (такой порядок был введен после памятного Большого побега), это никак не сказалось на изобретательности обезьян. Не находя веток, которые бы валялись на земле, они стали отламывать большие ветви от мертвых дубов. Это требует огромной силы, поэтому выполнять такую работу всегда приходится взрослым самцам. К нашему облегчению, ветви теперь используются уже не для побега, а для того, чтобы перелезть через электрическое ограждение и попасть на живые деревья.

С такими умными животными, как шимпанзе, никогда не удастся исключить все возможности побега. Они даже умеют использовать ключи и иногда пытаются вытащить их из кармана кипера. Это потом о побегах рассказывать весело. А в момент, когда они происходят, ничего смешного нет; каждый может думать только о том, насколько это опасно.

Никто из нас не осмеливается входить в группу обезьян. Я и их кипер можем по-дружески общаться с некоторыми из них, но лишь тогда, когда они находятся в спальнях помещений и между нами решетка. В зоопарках принято правило никогда полностью не доверять ни одному взрослому шимпанзе. Они не тяжелее человека, но *намного* сильнее. Проблема с шимпанзе в зоопарке в том, что они слишком хорошо осведомлены о своей силе, превосходящей человеческую. Это, а также их темпераментный характер делает их смертельно опасными.

Дикие обезьяны не понимают, что они сильнее человека, и, кроме того, они научились бояться людей и их оружия. Это приводит к парадоксальной ситуации: диких обезьян, как только они привыкают к людям, можно изучать с гораздо более близкого расстояния, чем наших обезьян в Арнеме. Мы наблюдаем за

ними через ров — с расстояния от 6 до 60 метров (для публики это расстояние еще больше, если не считать смотровой площадки). С другой стороны, в Гомбе полевые исследователи часто просто подходят к обезьянам, садятся возле них и смотрят. Но даже в Гомбе шимпанзе теперь уже достаточно хорошо познакомились с людьми, чтобы утратить свою прежнюю робость. Наиболее известный персонаж — Фродо, мускулистая молодая обезьяна, которая легко может ударить человека, посещающего лагерь обезьян, а иногда даже утащить его по склону. Во время подобного нападения он однажды чуть не сломал шею Джейн Гудолл, когда со всей силой ударил ее по голове. Исследователи в общем-то не могут предупредить такое поведение, не повредив с таким трудом завоеванному доверию.

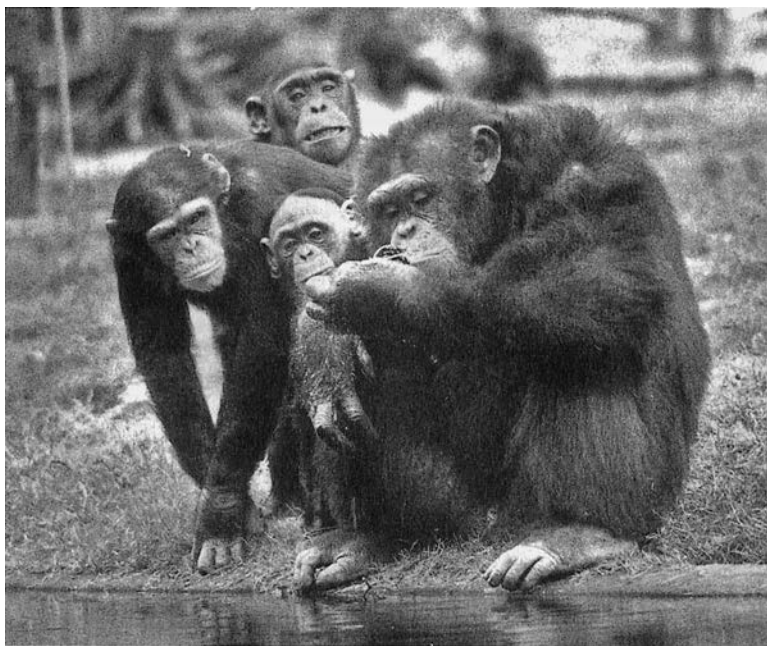
ЭТОЛОГИЯ

Молодой учитель привел свой класс посмотреть на шимпанзе. Стояла зима, а потому вся колония находилась в помещении. Несколько обезьян сидели или лежали на высоких барабанах в углу зала. Барабаны были разной высоты, и учитель сразу же распознал воспитательное значение такого расположения. Своим ученикам он сказал, что обезьяна, сидящая на самом высоком барабане, является вожаком стаи. Под ним сидел его заместитель, а под тем — его подчиненные. Желая сделать все ясным и понятным, он также указал на «нижних» обезьян, которые сидели на земле или ходили там.

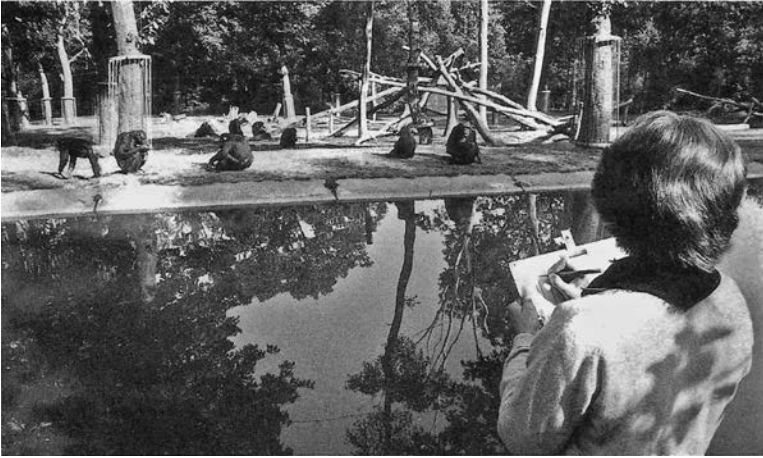
Среди обезьян на земле находился и Йерун, один из доминантных самцов, который, к моему удовольствию, как раз разогревался перед устрашающей демонстрацией. Его волосы уже слегка поднялись, и он спокойно ухал самому себе. Когда он встал, уханье стало громче, и некоторые обезьяны соскочили с барабанов, зная, что демонстрации Йеруна обычно заканчиваются тем, что он проводит на них долгий ритмической концерт. Мне было интересно, как молодой учитель выпутается из этой ситуации. После того как Йерун по своему обыкновению пошумел и совершил несколько диких прыжков по залу, все снова успокоилось. Другие шимпанзе забрались обратно на барабаны и возобновили свою деятельность. Комментарий учителя оказался плодом богатого воображения. Действо, которому они стали свидетелями, являлось, по его словам,

неудавшейся попыткой обезьяны, находившейся на земле, захватить власть.

Это было смешное предположение. Но кто может гарантировать, что многие из интерпретаций, предложенных в этой книге, действительно верны? Хотя я и чувствую, что после всех этих лет очень хорошо знаю эту группу и редко ошибаюсь в толковании происходящих событий, у меня все же нет полной уверенности в своей правоте. Изучать поведение обезьян — значит интерпретировать, однако нас гложет ощущение, что интерпретация может оказаться неправильной. Ощущение не из приятных, и как раз по этой причине ученые часто предпочитают вообще молчать и не отвечать на всем знакомый вопрос: «Почему это животное делает именно это?» Эксперты порой приходят к выводу, что надо создать впечатление, будто они ничего не знают. Они поступают прямо противоположным образом по сравне-

Ваутер, Тарзан и Зварт (за ними) внимательно смотрят на то, что Никки выловил изо рва

Наблюдатели сосредотачиваются на определенной форме поведения или следят за конкретной особью. Их работа тяжелее, чем может показаться

нию с молодым учителем, который столь уверенно рассуждал. Обе установки никуда не ведут, но, к сожалению, мне не удастся полностью избежать их. В некоторые моменты может показаться, что я не особенно уверен, тогда как в другие — что я захожу в своих интерпретациях слишком далеко. Другого пути нет. Исследование поведения вынуждено постоянно колебаться между двумя этими крайними позициями.

Этология — исследование поведения в рамках биологии. Ее основы были заложены в 1930-х годах в Германии, Нидерландах и Англии под влиянием Конрада Лоренца и Нико Тинбергена. Наиболее значительное различие между этологией и психологическим исследованием поведения животных заключается в том, что этология делает упор на спонтанное поведение в естественной среде или, по крайней мере, в условиях, максимально приближенных к природным. Этологи проводят эксперименты, но они никогда не оторваны от своей полевой работы. Они прежде всего являются терпеливыми наблюдателями. И эта установка на ожидание того, что животные сделают по собственной воле, а не в ответ на стимулы к определенному поведению, важному для целей эксперимента, характеризует и наше исследование в Арнеме.

ВОСПРИЯТИЕ

Смотреть может каждый, но подлинному восприятию нужно учиться. Эта проблема постоянно возникает, когда приходят новые студенты. Первые несколько недель они вообще ничего не «видят». Когда я объясняю им после проявления агрессии в колонии, что «Йерун набросился на Маму и ударил ее, тогда как Горилла и Мама объединились и преследовали Йеруна, который нашел убежище у Никки», они смотрят на меня так, будто я сошел с ума. В то время как для меня это поверхностная сводка весьма простого взаимодействия (в котором участвовало только четыре шимпанзе), студенты видели лишь несколько черных животных, которые хаотически прыгали вокруг, испуская резкие крики. Вероятно, они даже не заметили сильный удар.

В такие моменты мне приходится вспоминать, что я тоже долгое время не понимал, почему в этих эпизодах не видно никакой структуры, тогда как на самом деле проблема была не в отсутствии структуры, а в моем собственном дефектном восприятии. Необходимо как можно ближе познакомиться со многими особями, их дружескими отношениями и соперничеством, со всеми их жестами, характерными звуками, мимикой и другими формами поведения. Только тогда дикие сцены, наблюдаемые нами, начинают действительно обретать смысл.

Первоначально мы видим только то, что опознаем. Тот, кто ничего не знает о шахматах, но наблюдает игру двух игроков, не поймет напряжения игры, разворачивающейся на доске. Даже если наблюдатель простоит около доски час, ему вряд ли удастся легко воспроизвести положение фигур на другой доске. Тогда как гроссмейстер опознает и запомнит положение каждой фигуры, задержав взгляд на доске лишь на несколько секунд. Различие не в памяти, а в восприятии. И если для непосвященного положения шахматных фигур никак не связаны друг с другом, посвященный придаст им большое значение и увидит, как они угрожают друг другу и блокируют друг друга. Проще вспомнить нечто обладающее структурой, чем хаос джунглей.

Это синтезирующий принцип так называемого гештальт-восприятия: целое или гештальт больше суммы своих частей. Обучаться восприятию — значит обучаться распознавать паттерны, в которых регулярно встречаются их компоненты. Как только мы знакомимся с паттернами взаимодействия шахмат-

Научное издание

Серия «Политическая теория»

ФРАНС ДЕ ВАЛЬ

ПОЛИТИКА У ШИМПАНЗЕ

ВЛАСТЬ И СЕКС У ПРИМАТОВ

Пятое издание

Главный редактор

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией

ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор

АНАСТАСИЯ АРХИПОВА

Художник

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Компьютерная верстка

ОЛЬГА БЫСТРОВА

Корректор

ВАЛЕРИЯ КАМЕНЕВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20,

тел.: 8 (495) 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 01.09.2020. Формат 60×90/16. Гарнитура Minion Pro
Усл. печ. л. 14,3. Уч.-изд. л. 12,1. Печать струйная ролевая

Тираж 1000 экз. Изд. № 2451. Заказ №

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская обл., г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru,

тел.: 8 (499) 270-73-59